

И.Я. ПАВЛИНОВ *научные коллекции* — как феномен культуры

Насилие над нацией всегда начинается с насилия над ее культурой. В науке, составляющей громадный пласт культуры, возникла система приоритетов, из-за чего какие-то формы научной деятельности оказываются на заднем плане и в обыденном понимании культуры, и в рамках профессиональной науки. В период подавления культуры эти формы не уничтожаются активно, они просто тихо угасают. Но и во времена возрождения восстанавливаются очень медленно. Одна из таких «золушек» — научные музейные коллекции, о которых в «Природе» рассказывалось. Возвращение к научным коллекциям сегодня в более широком, общекультурном контексте представляется нам знаком времени, нарождающихся перемен.

Игорь Яковлевич Павлинов, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Зоологического музея Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Область научных интересов — теоретическая и практическая систематика, коллекционное дело. Автор книг по систематике, в том числе: *Кладистический анализ (методологические проблемы)*. М., 1990. *Териологические коллекции: принципы и методы хранения (в соавторстве)*. М., 1982.

ВСЯК кулик свое болото хвалит, всяк человек — сферу своей деятельности.

И это нормально: без этого может ли быть полная творческая самоотдача? Но, к сожалению, восхваление своего болота хоть чуть-чуть, но подразумевает поругание чужого. Такова уж природа человека: от деления, означающего всеобщую терпимость и приязнь, на «одно» и «другое» отдает какой-то холодной космической вечностью, которая страшит и отталкивает. А «свое» — оно свое и есть, такое родное и близкое, отнюдь не «чужое» — ненужное, порой враждебное. Отсюда множество известных противопоставлений на вещи «первого сорта» и «второго сорта»: на «физиков» и «лириков», на «науку по Попперу» и «ненауку» (по тому же Попперу), на «марксистскую науку» и «немарксистскую науку» и т. п.

К этой более чем странной системе классификаций относится и расхожий афоризм о том, что есть «наука» и «коллекционирование марок». Я ничего не могу сказать о марках как таковых: в конце концов, собирать их или увлеченно нажимать на кнопки какого-нибудь электронно-железного чудища — дело вкуса. Но мне кажется принципиально неверным само противопоставление науки и коллекционирования. Оно не учитывает существования особой категории собраний предметов — научных коллекций, появление и рост которых вызваны нуждами науки и которые стимулировали развитие последней.

Так, можно без большой натяжки утверждать, что в биологии развитие типической концепции вида стало возможным лишь после того, как накопленные в музеях коллекции, с помощью которых решались частные вопросы систематики, показали недостаточность монотипической

концепции. А если учесть, что первая из названных концепций стала краеугольным камнем в фундаменте популяционного мышления, а это мышление, в свою очередь, составило основу современного эволюционизма, можно себе представить, какие последствия для всей биологии имело коллекционирование.

Разумеется, это и подобные свидетельства значения научных коллекций вполне показательны и их можно было бы далее развивать. Но наука не существует сама по себе, она — часть общечеловеческой культуры и вне ее контекста не может быть до конца осознана. Последнее, очевидно, верно и в отношении коллекций как части науки. Значит, чтобы понять, что такое научные коллекции, необходимо рассмотреть тот культурный контекст, который эти коллекции породил и в котором они развиваются.

В данной статье основной акцент сделан на биологических коллекциях, которые более всего знакомы автору по роду деятельности. Кроме того, сущность и проблемы коллекционного движения именно в биологии, пожалуй, выражены ярче всего.

ОТКУДА

Индуктивную аналитическую науку (науку европейского образца) можно рассматривать как некую неравновесную систему, удаленную от точки равновесия, каковой соответствует полное невежество. Развитие такой системы, направленное на повышение ее организованности, по образному выражению И. Пригожина, связано с «экспортом» энтропии из самой системы в окружающую среду. При этом элементом среды, энтропия которой повышается по мере возрастания организованности научного знания, оказывается сам исследуемый объект.

Парадоксально, но рост биологического знания неотвратимо связан с «разупорядочением» (деградацией) биологического объекта — как мира живых организмов в целом, так и отдельных его представителей. Чтобы исследовать живое существо, мы в той или иной мере лишаем его целостности (если угодно, «витальности»)! В лучшем случае мы вырываем организм из целостности его связей со средой, помещаем в искусственные условия и исследуем.

В худшем — умерщвляем и расчлениаем живое: чтобы узнать, как оно устроено, его нужно уничтожить¹.

Таково одно из необходимых условий возникновения коллекций классического образца — собраний остатков умерщвленных животных или растений. Это ключевое условие, но его нельзя считать достаточным. Ведь умерщвляемые в ходе исследования организмы совсем не обязательно сохранять по завершении работы исследователя. Кроме того, вполне возможно, что «отработанные» материалы хранятся просто в виде «свалки отходов научного производства». А ведь всякая научная коллекция — высокоорганизованная система, хранящаяся долго и доступная для многократного исследования. Исходя из этого, логично предположить существование специфических организующих факторов, превращающих собрание остатков умерщвленных (ради высокой науки) организмов в научную коллекцию.

Для выявления (в самом грубом приближении) этих факторов полезно вспомнить, что европейская наука — продукт культуры Ренессанса. Она возникла в результате перехода от дедуктивного знания к индуктивному, обращения не к Божественному откровению, а к природе. Первоисточником истинного знания становится добытый из природы факт. Задача ученого при этом — писать свою собственную книгу знаний так, чтобы в идеале получить текст, совпадающий с текстом «книги Природы».

Эта новая научная парадигма потребовала новой аргументации. Стало недостаточно ссылаться на авторитетные мнения: высшим авторитетом стал факт. Истинность того или иного тезиса уже определялась стройностью не столько силлогизмов, сколько фактов. А для этого нужно было по меньшей мере сохранить их в упорядоченной форме, отражающей содержание тезиса и делающей его доступным для аудитории.*

Вот, на мой взгляд, необходимое и достаточное условие возникновения научных коллекций. Их развитие — это ответ на запрос эмпирической науки. Каждый экземпляр коллекции — факт, основной источник аргументации, прообраз отдельной буквы в книге знаний. Коллекция в целом — прообраз отдельной строки, раздела, главы книги знаний. Тем самым упорядоченность коллекции не произвольна, она — прообраз упорядоченности текста в книге знаний. Потому-то, очевидно, биологи довольно быстро пришли к тому, чтобы придавать своим коллекциям форму, соответ-

¹ Аналогичные соображения применительно к объектам микромира развиты в статье: Суворов А. Л. Разрушить, чтобы увидеть // Природа. 1987. № 12. С. 4 — 15.

ствующую естественной системе как части всеобщей «книги Природы». Отсюда ясны причины долговременного существования и открытости таких коллекций — это залог того, что они будут служить любому ученому, желающему обратиться к первоисточнику того или иного толкования «книги Природы».

Одна коллекция... Другая коллекция... И вот постепенно формируется то, что можно назвать **коллекционным движением** в биологии — как продукт и часть определенной культуры. И с необходимостью возникают организующие центры этого движения — естественно-исторические музеи. Их назначение — постоянно хранить и предоставлять для ознакомления факты, свидетельствующие о разнообразии объектов природы.

Рассматривая научные коллекции в таком контексте, следует подчеркнуть, что они — детище именно европейской культуры. Наша наука исходно базируется на противопоставлении субъекта и объекта познания как двух единых, но все-таки противоположностей. Возможно, это одно из проявлений приверженности западного рекурсивного мышления ко всякого рода антиномиям: либо дух, либо материя; либо познающее, либо познаваемое; либо истина, либо ложь... Именно это и позволяет вырвать предмет исследования из естественного окружения, умертвить, расчленив и поместить в музейную коллекцию. Все эти операции, с точки зрения аналитической науки, не являются чем-то противозачинным; это — не насилие над природой, ибо «высший» познающий дух волен обращаться по своему усмотрению с «посторонней» по отношению к нему якобы косой материей.

Ничего подобного не может быть в восточной культуре: там нет противопоставления духа и материи, субъекта и объекта познания. Впрочем, там нет и самого «познания» как вида аналитической деятельности, организуемой в соответствии с формальными правилами и осуществляемой научным сообществом. Слияние с универсумом, существование «живого в живом», не «миропознание», но «мирочувствование», возможное только на сугубо индивидуальной интуитивной основе — вот путь восточной мудрости. Нет раздельно существующих познающего и познаваемого, а есть их «целое»: они оба — одно и то же. Убить животное — значит убить себя, нарушить естественную гармонию, без которой мирочувствование принципиально невозможно. Неудивительно, что естественно-

исторические музеи появились на Востоке лишь в конце прошлого — начале нынешнего столетий, когда туда проникла европейская наука.

Поскольку все, что было рождено Ренессансом, в том числе наука нового типа, имеет исходно гуманистическую направленность, поначалу четкого разделения на собственно познавательную и просветительскую деятельность не было. Первоначально коллекции в равной степени служили и науке, и просвещению: ученый выставлял для широкого обозрения предмет своего исследования как иллюстративный материал к расшифровываемой им «книге Природы». Позже, однако, неизбежная специализация развела собственно науку и просветительство. В результате в биологии и возникло то, что мы сейчас называем **научными коллекциями**: они используются исключительно (или по преимуществу) в познавательных целях, вовлечение в другие виды деятельности (обучение, просвещение и т. п.) для них функция побочная.

Такое разделение благоприятно сказалось на развитии научных коллекций. Дело в том, что конечная цель работы ученого — постижение истины, а не ее проповедь. Это снижает значение гуманистической — и вообще морально-этической — составляющей его деятельности. А поскольку коллекционирование (особенно в биологии) с точки зрения глобальной гармонии всего сущего, несомненно, антиэтично, профессионализация науки и коллекционного движения в ее рамках снимает многие «внутренние запреты» внеучного плана. Но при этом сохраняется (часто неосознанная) библейская антропоцентрическая традиция, ставящая человека выше всего на земле («... да владеют они над рыбами морскими и над птицами небесными, и над зверями ... и над всею землею...» Быт. 1, 26). Тем самым специалист-биолог получает сразу две индальгенции, оправдывающие его коллекционную деятельность, — одну от новой профессиональной науки, другую от старой традиции (которую, кстати, эта наука в какой-то части отвергает). Поэтому чем больше в коллекционном движении от профессиональной науки и меньше от просветительства, тем интенсивнее накапливаются коллекции.

ЗАЧЕМ

Итак, биологическая коллекция — один из источников первичной информации о разнообразии живого. В этом ее основное

назначение, поскольку все сведения, содержащиеся в публикациях или компьютерных базах данных, даже если они имеют чисто описательный характер, есть вторичная, преобразованная информация.

Между первичной и вторичной информацией нет и не может быть взаимного однозначного соответствия. Первичная информация существует объективно и определяется разнообразием коллекционных предметов. В отличие от этого вторичная информация определяется нашими суждениями о названных предметах. Лежащая же в основе этих суждений констатация факта всегда «теоретически нагружена» и потому во многом субъективна. Например, фаунистическое описание зависит от той концепции вида, которой придерживается автор описания, от того, насколько разработана таксономическая система соответствующих групп, от наличия хороших определителей, наконец просто от квалификации исследователя. Иными словами, публикуется не сам факт, а его интерпретация. Но поскольку теория, в рамках которой перерабатывается первичная информация, со временем меняется, вторичная информация неизбежно обесценивается.

Среди биологов, по роду своей профессиональной деятельности не обращающихся непосредственно к коллекционным музейным материалам, нередко бытует мнение, что время «музейной науки», а с нею и музейных собраний прошло. Думается, причина такой позиции в том, что факология, с которой имеют дело эти биологи (например, геносистематики), пока не может быть «музеефицирована»: исходный материал не может длительно храниться в состоянии, допускающем многократное использование. Поэтому представители таких направлений полагают, что опубликованные результаты — это «первичная информация». Очевидно, это не так. Что касается отрицания «музейной науки»... Здесь уместно напомнить возражение Л. С. Берга против утверждения математиков, что биология «устарела», раз она не может быть «математизирована»: по его мнению, не биология плоха для математики, а математика еще слишком примитивна для того, чтобы ее язык был адекватен потребностям биологии. Похоже, что новые подходы, развиваемые в классических дисциплинах, опирающихся на коллекции (систематика, филогенетика), третируют «музейную науку» просто потому, что «не доросли» до основной идеи коллекционного движения.

Эта идея станет очевиднее, если попы-

таться представить, в каких направлениях можно использовать научные коллекции в биологии. Таких направлений видится по меньшей мере два.

Во-первых, постоянно хранимые коллекционные предметы служат для извлечения новой информации. Первичная информация, заложенная в музейные коллекции, практически неисчерпаема. В этом можно усмотреть одно из ее фундаментальных отличий от вторичной информации. Развитие новых идей и методов, постановка новых и расширение старых задач, хотя частично обесценивают «старые материалы», но и заставляют постоянно обращаться к ним.

Во-вторых, долговременно хранимые коллекционные материалы обеспечивают воспроизводимость результатов исследований, что составляет непереносимое условие нормального развития науки. Если исходная факология не сохраняется, корректная проверка результатов исследований, подчас необходимая на новом витке развития биологии, невозможна. Наиболее очевидный случай, когда такая проверка нужна, — упомянутое переопределение таксономической принадлежности экземпляров. И поскольку без ее указания ни одно исследование в биологии немислимо, сохранение хотя бы малой части исследуемой факологии в форме коллекций просто необходимо для нормального развития биологии.

Чтобы выполнять свои функции, научные коллекции должны отвечать определенным критериям. Самый общий из них — научная значимость, которую можно понимать как вклад коллекции в рост научного знания. Важнейшими показателями значимости представляются следующие.

Информативность — адекватность разнообразия материалов коллекции разнообразию биоты. Ее повышение, определяющее всю стратегию коллекционного движения, достигается увеличением объема коллекций, расширением представленных в них таксонов и регионов, разнообразия форм сохраняемого материала, объема достоверных сведений об экземплярах.

Разрешающие возможности — количество вторичной информации, которую можно получить, используя коллекции на данном этапе развития науки. Ключевое значение здесь имеет инструментарий, ограничивающий наши возможности преобразования первичной информации во вторичную. Важную роль играет расширение и изменение запросов, предъявляемых к коллекционному делу со стороны биологии по мере ее развития. Очевидно, что разрешающие возможности всегда ниже информативности,

поскольку лишь часть первичной информации, содержащейся в коллекции, может быть переведена во вторичную.

Используемость — объем вторичной информации, реально извлекаемый из коллекции при ее вовлечении в научные разработки. Этот объем неизбежно меньше того, который определяется разрешающими возможностями, поскольку коллекционные материалы доступны далеко не всем потенциальным пользователям. Широкие контакты между разными коллекциями позволяют расширить круг реальных пользователей. В этом специфика именно научных коллекций: они должны быть мобильны, «неподвижность» коллекций равносильна их смерти. «Скупой рыцарь» не может участвовать в коллекционном движении. Каждому коллекционеру полезно помнить одну из христианских заповедей: дающий — приобретает, берущий — теряет.

КУДА

Всякий объект системной природы, если он исторически обусловлен, неизбежно исторически и ограничен. Это, по-видимому, верно и в отношении коллекционного дела, традиции которого будут существенно меняться вслед за модификацией индуктивной аналитической науки. Возможно, такое изменение приведет к меньшему противопоставлению объекта и субъекта познания. Однако пока признаков радикальных перемен нет, и в обозримом будущем коллекции будут развиваться в рамках классической парадигмы. Отчасти это обусловлено сохранением прежних требований со стороны классических биологических дисциплин, отчасти — значительной инертностью самого коллекционного дела.

Последнее обстоятельство определяет специфику прогнозирования. С одной стороны, прогноз, несомненно, будет надежным, в силу высокой преемственности коллекционной традиции, с другой — это будет не столько прогноз, сколько прямая экстраполяция знания о прошлом и настоящем на будущее. Поэтому, пожалуй, имеет смысл не прогнозировать будущую ситуацию, а рассмотреть те общие механизмы, которые в ближайшее время будут видоизменять коллекционное дело в биологии.

Упорядоченность развития коллекционного дела как открытой системы задается (если оставить в стороне автономные механизмы саморазвития) упорядоченностью среды, в которой функционирует эта система. Такой средой, очевидно, явля-

ется биологическая наука, смена ситуации в которой делает одни направления развития коллекций более, а другие — менее актуальными. В результате в коллекционном движении происходит выбор приоритетов, который не случаен относительно изменения приоритетов в самой биологии. Можно также говорить, что происходит оптимизация коллекций, делающая их адекватными потребностям биологической науки на каждом этапе ее развития.

Согласно общему принципу оптимальности, всякая достаточно сложная система в каждый момент может быть улучшена только по какому-то одному из многих своих компонентов. Остальные при этом вынужденно «подстраиваются» под изменения ключевой для данной конкретной ситуации (что следует из свойств системности). В коллекционном деле наиболее естественно выделяются четыре компонента, по которым может идти оптимизация: пополнение, подготовка к хранению, собственно хранение (и учет) и использование. Очевидно, ни накопление научных коллекций, ни их хранение само по себе не удовлетворяют потребностям науки. Ведь «оценить» коллекцию можно только используя ее в исследовательской работе. Значит, именно использование служит той ключевой составляющей, по которой совершается коллекционное движение. Из этого ясно, что его упорядочение определяется изменением приоритетов в характере использования научных коллекций.

Так, можно полагать, что в связи со всеобщей «экологизацией» человеческой деятельности, в том числе науки, в ближайшее время приоритетным будет то направление коллекционного дела, которое позволит ему наиболее естественным образом вписаться в экологические (в частности, природоохранные) разработки. Наибольшие перспективы здесь усматриваются в подключении научных коллекций к программам биологического мониторинга — слежения за динамикой таксономического состава биоты, накоплением некоторых загрязняющих факторов в природных экосистемах, мутационного груза в популяциях. Такое направление потребует, вероятно, создания особых «мониторинговых коллекций», как части общей системы банков данных для биомониторинга, предъядит специфические требования к сбору, подготовке и хранению коллекционных материалов.

С другой стороны, своего рода «гуманизация» отношения человека к природе (вспомним, например, движение в защиту

прав животных) также не может не сказаться на развитии коллекционного дела. Поскольку уже сейчас очевидно, что в отношении каких-то элементов биоты важнее сохранить их в природе, нежели в коллекциях, коллекционное дело должно обращаться к более щадящим методам. Это обусловит необходимость оптимизации коллекционного дела не только по использованию, но и по сбору коллекций: темпы сборов будут если не снижаться, то во всяком случае расти не столь интенсивно. В связи с этим, пожалуй, требуют интенсификации те компоненты, которые не связаны с изъятием живых организмов из природы. Принципиально важн» также совершенствовать формы учета коллекций, носителей информации о коллекционных экземплярах. Создание сетей компьютерных баз данных — не прихоть технократов, а необходимое средство повышения используемости коллекций.

Несмотря на неоспоримость связи коллекций с наукой, коллекционное движение в какой-то мере автономно относительно ближайшей (сиюминутной) научной конъюнктуры. Это следствие все той же системности коллекционного дела, которое в некотором смысле самодостаточно и развитие которого хотя бы отчасти есть «саморазвитие». Здесь есть и свои плюсы, и свои минусы, причем первые при злоупотреблении обращаются во вторые. Так, в начале статьи отмечено, что сбор серийных материалов привел некогда к формулированию политипической концепции вида. Но эти материалы были вовсе не обязательны с точки зрения классической типологии, их накопление было следствием именно саморазвития коллекций! Но если такого рода автономия вырождается в «коллекционирование ради коллекционирования», она ставит под угрозу качество и сохранность коллекционных материалов. Так что некоторую автономность научных коллекций следует не только принимать в расчет при оценке возможных направлений их развития, но и поощрять в разумных пределах, стремясь свести к минимуму ее отрицательные эффекты.

Так или иначе, но научные коллекции обречены на динамику. Любой застой в коллекционном деле означает утрату научной значимости коллекции. И все же консервативность, стабильность коллекционного дела — также очень существенная его черта, необходимое условие нормального существования коллекций. Именно она в классических биологических дисциплинах обеспечивает преемственность на уровне фактологии, которая не менее важна,

чем преемственность на уровне идей. Поэтому никакие «лихие эксперименты» с научными коллекциями недопустимы, динамика коллекционного движения по необходимости эволюционна.

НАШИ ПРОБЛЕМЫ

В России для коллекционного (и вообще музейного) движения ключевое значение имели две культурные революции — петровская и сталинская. В первом случае насаждение европейской науки дало жизнь естественно-историческим музеям и коллекциям. До 30-х годов текущего столетия они развивались в классическом европейском русле — музеи служили центрами научной, коллекционной и учебно-просветительной деятельности. Впрочем, накопление научных коллекций не было столь интенсивным, как в Европе и тем более в Америке. Одна из причин этого, как представляется, — значительное развитие русского просветительства гуманистического толка, отодвигавшее профессиональные потребности коллекционного движения на задний план.

Вторая революция внесла серьезную дезорганизацию в коллекционное дело по двум основным причинам. Во-первых, она означала возврат к традиции средневековой схоластики, провозглашающей источником знания книгу, а не факты. Последние тем самым стали ненужными, их подменили указания делать так-то и думать то-то. Во-вторых, разрушилась функциональная целостность естественно-исторических музеев: им оставили только просветительство (вполне определенного толка), науку же отдали научно-исследовательским институтам. В связи с этим, в частности, некоторые крупнейшие естественно-исторические музеи просто переименовали в институты (например, зоологические музеи в Ленинграде и Москве, Палеонтологический музей в Москве).

В результате для коллекционного движения сложились самые неблагоприятные условия. С одной стороны, для музеев (в их новой трактовке) накопление научных коллекций стало побочным занятием: в центре внимания — экспозиция, все прочее — «запасники». С другой — для научно-исследовательских институтов хранение коллекционных материалов потеряло значение: материалы собираются лишь по ходу выполнения конкретных научных задач, по завершении которых коллекции просто ликвидируются. Лишь немногие институты, которые исторически сложились именно как

музеи, имеют специально организованные постоянные научные коллекции. Институты, возникшие 50—60 лет назад, чаще всего коллекции не хранят, хотя соответствующие материалы собираются (например, Институт эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР в Москве).

Чтобы не быть голословными, приведу следующие данные². Только в 1/3 отечественных учреждений зоологического профиля коллекции официально «признаны» администрацией, выделяющей на их хранение деньги и оборудование (чаще всего по остаточному принципу). Однако даже там далеко не всегда имеются штатные хранители и документация, регламентирующая хранение и использование коллекций (в целом по стране такая документация имеется лишь в 25 % учреждений). Примечательно, что хуже всего дело обстоит в академических институтах: лишь в 1/5 из них научные коллекции хранятся в более или менее надлежащем (как кажется их кураторам) порядке. В университетских музеях, сложившихся исторически, ситуация несколько лучше: около половины пытаются сохранять коллекции как научное достояние.

Из этого ясно, что ключевое условие развития научных коллекций в стране — восстановление функциональной целостности естественно-исторических музеев как организующих центров коллекционного движения, единых «в трех лицах» — в хранительской, научной и просветительской работе. Это положительно скажется на всех трех составляющих музейного дела. Профессиональная наука обретет более тесную связь со своей фактологической базой, просветительская деятельность вернет научную фундаментальность, а коллекционное движение получит необходимую для его устойчивости организационную форму.

Коллекционное движение — одна из составных частей профессиональной науки. Эту науку делают отдельные личности, однако их работа принадлежит всем. Научные коллекции тоже собираются, хранятся и исследуются отдельными специалистами, но вместе с тем они, несомненно, — общенаучное достояние. Только в таком качестве коллекции значимы как собрание научных фактов.

Подобное отношение к научным коллекциям — идеал, который исповедуют далеко не все. Нередко специалист рассматривает собранный им научный материал как свою собственность, которой он волен распоряжаться по своему усмотрению. Причин здесь множество, среди них и достаточно серьезные. Так, существует реальное противоречие, затрагивающее свободу научного творчества, — противоречие между наукой как системой, в известной мере подавляющей индивидуальность, и ученым как индивидом, не слишком охотно «вписывающимся» в систему рутинных отношений. Но даже если специалист вполне лоялен к системе, он все же стремится сохранить за собой авторское право на собранные им материалы, обеспечить свой приоритет в их исследовании. В итоге собранные материалы зачастую так и не попадают в общий коллекционный фонд. Все это сдерживает развитие научных коллекций, мешает открытости науки.

Преодолеть понятный «инстинкт собственника» (который заставляет делить мир на «свое» и «чужое») может традиционная система этических норм и неофициальных правил, позволяющая учесть интересы обеих сторон — системы и индивида. Принято считать, что ученый, пользующийся коллекционным фондом, должен (речь идет, разумеется, о моральном долге) содействовать его развитию — пополнением новыми материалами, сохранением уже имеющихся и т. д. Для более активного вовлечения специалистов в коллекционное движение в качестве «приманки» им предлагаются некоторые льготы. Например, по требованию сборщика передаваемые им в коллекцию материалы могут быть временно закрыты для прочих пользователей. С другой стороны, специалист, участвующий непосредственно в поддержании коллекционного фонда, получает преимущества при работе с ним.

В итоге выигрывают и коллекционное движение в целом, и каждый из его участников. В том числе и те, кто идет нам на смену: будущие коллеги смогут исследовать коллекции полнее, чем это под силу сегодня нам. Тем самым в биологии (и близких к ней по духу дисциплинам) будет обеспечена столь необходимая преемственность фактологии.

Понимание этого должно стать общей нормой. Если коллекции принадлежат науке как части общечеловеческой культуры, то их сохранение и приумножение — вопрос личной культуры каждого из нас.

² Факты заимствованы из неопубликованных материалов Комиссии по учету и оценке состояния зоологических коллекций в СССР, работавшей в 1985—1986 гг. при АН СССР. Автор признателен председателю комиссии О. Л. Россолимо за разрешение использовать эти материалы.